

РАЗДЕЛ II ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ

Part II. FORECASTING IN EDUCATION

DOI: 10.15372/PNE20200205

УДК 37(470+571)+30+327

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ТРЕНДОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Андриенко (Новосибирск, Россия)

Введение. Проблемы реализации стратегических проектов развития российского образования в контексте мировых трендов актуализируются в связи со снижением качества образования в России, что фиксируется результатами PISA (2018). Несмотря на то что снижение качества образования отмечается во многих странах мира, современная государственная образовательная политика Российской Федерации нацелена на кардинальное изменение ситуации с учетом меняющихся условий.

Методология и методика исследования. Исследование базируется на сравнительно-сопоставительном анализе российских и зарубежных образовательных феноменов с учетом мировых глобальных и социокультурных трендов. Представлены сравнительно-сопоставительные характеристики современной педагогической терминологии, обозначающей новые явления, возникшие в образовании под влиянием мировых трендов XXI в. Раскрываются сходства и различия в российском и зарубежном образовании по всем уровням его реализации: общее образование, профессиональное образование, высшее образование, дополнительное образование. Дается критический анализ стратегических проектов развития образования в России с определением негативных условий их реализации.

Результаты исследования. Анализ реализации стратегических проектов развития образования в Российской Федерации показал их низкую эффективность по отношению к целевым индикаторам. Отсутствие высоких результатов связано с относительно низким статусом образования по отношению к другим государственным проектам в РФ. При этом современное образование в России, несомненно, учитывает влияние мировых трендов и отражает все ведущие тенденции развития образования. Однако государственная образовательная политика значительно отстает от мировых эта-

© Андриенко Е. В., 2020

Андриенко Елена Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института физико-математического и информационно-технологического образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: eva_andrienko@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8345-4790

Elena V. Andrienko – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Chair of Pedagogy and Psychology of Institute of Physics, Mathematics and Information Technology Education, Novosibirsk State Pedagogical University.

лонов, что проявляется в чрезмерной централизации образования, большом разрыве, существующим между центром и регионами (по уровню развития и результативности образования), а также недооценке образовательного опыта Советского Союза.

Заключение. Стратегические проекты развития российского образования не могут заменить собой системную государственную образовательную политику, направленную на устойчивое развитие всех уровней образования. Проекты реализуются ситуативно, в интересах меньшинства (инклюзивное образование, одаренные дети и т.д.), они не влияют на повышение качества образования для большинства его субъектов.

Ключевые слова: развитие образования, стратегический проект, мировые тренды, российское образование, педагогическая терминология, сравнительно-сопоставительный анализ, причины снижения качества образования, уровни образования.

Для цитирования: Андрienко Е. В. Влияние мировых трендов на реализацию стратегических проектов развития российского образования // Филология образования. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 64–79.

INFLUENCE OF GLOBAL TRENDS ON THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PROJECTS OF THE RUSSIAN EDUCATION DEVELOPMENT

E. V. Andrienko (Novosibirsk, Russia)

Introduction. The problems of implementing strategic projects of the development of Russian education in the context of global trends are updated in connection with the decline in the quality of education in Russia, which is confirmed by the results of PISA (2018). Despite the fact that the quality of education is declining in many countries of the world, the current state of the educational policy of the Russian Federation is aimed at radically changing the situation, taking into account the changing conditions.

Methodology and methods of the research. The research is based on a comparative analysis of Russian and foreign educational phenomena, taking into account global and socio-cultural trends. The paper presents comparative characteristics of modern pedagogical terminology that denotes new phenomena that have emerged in education under the influence of world trends of the XXI century. The author reveals similarities and differences in Russian and foreign education at all levels of its realization: general education; professional education; higher education; additional education. A critical analysis of strategic projects of the development of education in Russia with the determination of negative conditions for their implementation is given.

The results of the research. The analysis of the implementation of strategic projects for the development of education in the Russian Federation has shown their low effectiveness in relation to the target indicators. The lack of high results is due to the relatively low status of education in relation to other state projects in the Russian Federation. At the same time, modern education in Russia undoubtedly takes into account the influence of global trends and reflects all the leading trends in the development of education in the world. However, state education policy lags behind world standards, resulting in excessive centralization of education, a large gap between the center and the regions in terms of development and effectiveness of education and underestimation of the educational experience of the Soviet Union.

Conclusion. The projects for the development of Russian education cannot replace a systematic state educational policy aimed at the sustainable development of all levels of education. Projects are implemented situationally, in the interests of a minority (inclusive education, gifted children, etc.), they do not affect the improvement of the quality of education of the majority of its subjects.

Keywords: development of education, strategic project; world trends, Russian education, pedagogical terminology, comparative analysis, reasons for the decline in the quality of education, levels of education.

For citation: Andrienko E. V. Influence of global trends on the implementation of strategic projects of the Russian education development. *Philosophy of Education*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 64–79.

Введение. Проблемы разработки и реализации стратегических проектов развития российского образования актуализируются в связи с понижением его результативности, которое с достоверной очевидностью указывает на снижение его качества. Последние результаты Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA, 2018) показали снижение эффективности российского образования по всем трем направлениям оценки знаний школьников: читательской, математической и естественно-научной грамотности¹. В целом рейтинговые результаты российских школьников по тестам PISA занимают места ниже средних². Россия принимает участие в этой программе с 2000 г., но снижение результатов по всем трем направлениям оценки наблюдается впервые. Тенденция снижения результативности является устойчивой в XXI в.: например, самые высокие показатели по естественно-научной грамотности российские школьники показали в 2003 г.³

Несмотря на то что снижение качества образования сегодня исследователи обнаруживают во многих странах, ситуация в России определяется как особенная из-за распада СССР, разрушения системы советского образования и революционной смены парадигмы воспитания и обучения. Отказ от достижений советской педагогики и предметной дидактики (от практики до теории: закрытие диссертационных советов по педагогике, включая частные дидактики; «оптимизация» высшего педагогического образования, приведшая к сокращению педагогических вузов на 90 %; недофинансирование образовательных организаций и т. д.) также значительно снизил эффективность образования.

¹ Основные результаты российских учащихся в международном исследовании читательской, математической и естественнонаучной грамотности PISA-2018 и их интерпретация [Электронный ресурс] / К. А. Адамович, А. В. Капуза, А. Б. Захаров, И. Д. Фрумин; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 28 с. – URL: [https://ioe.hse.ru/data/2019/12/23/1525056145/ФО%20\(25\)%202019%20электронный.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2019/12/23/1525056145/ФО%20(25)%202019%20электронный.pdf) (дата обращения: 03.03.2020).

² Там же.

³ Там же.

В то же время XXI в. продолжает стремительно внедрять новые тренды, неблагоприятно сказывающиеся на образовании и его развитии. Мировые тенденции, связанные с необратимыми изменениями глобального характера, несомненно, оказывают существенное влияние на все сферы жизнедеятельности современного человека, поскольку во многом определяют государственную экономическую и социальную политику в большинстве стран. Образование, выступающее в качестве необходимой для любого государства целенаправленной системы социализации, реализуемой на всех уровнях общественных отношений, является одним из главных условий развития страны. Поэтому воздействие мировых трендов активно изучается в контексте реформирования национальных образовательных систем.

Методология и методика исследования. Исследование базируется на сравнительно-сопоставительном анализе российских и зарубежных образовательных феноменов с учетом мировых глобальных и социокультурных трендов. Многолетние исследования Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» выявили глобальные тенденции, оказывающие значительное влияние на становление экономики и общества в Российской Федерации, а также определяющие возможные перспективы ее развития, точнее, двух вероятных сценариев развития, которые исследователи обозначили следующим образом: «технологическая адаптация» и «технологический рывок», обозначая два контекста: приспособительный и активный, изменяющий [1]. Под глобальными трендами в настоящем исследовании понимаются «крупномасштабные долгосрочные экономические, социальные, технологические и природные сдвиги глобального характера, которые влекут за собой радикальные изменения условий жизни и деятельности человека, развития экономики и общества» [1, с. 6].

Результаты исследования. В процессе научного анализа учеными было выявлено и обосновано влияние четырех основных глобальных трендов в современном мире:

– изменение климата и рост антропогенной нагрузки на окружающую среду, которые приводят к увеличению количества экологических катастроф и других неблагоприятных последствий;

– демографические и социальные трансформации, связанные с нарастанием урбанизации, ростом международной миграции, усилением социального неравенства, изменением ценностей и образа жизни, трансформацией системы образования и т. д.;

– переход к новой модели экономического роста, обусловленный усилением роли капитала знаний с одновременным снижением стоимости

материальных ресурсов, формированием новых бизнес-моделей, развитием цифровых технологий и т. д.;

– трансформация геополитической ситуации и систем глобального управления, определяющаяся переходом к многополярности и обострением мировых проблем безопасности при увеличении количества конфликтных ситуаций и появлении новых центров силы [1].

Эти глобальные тренды касаются представителей всех поколений, но особенно значимыми они являются для молодежи, обладающей большей открытостью и восприимчивостью к изменениям, чем старшее поколение. Динамика образа жизни молодых людей проявляется в особенностях социального поведения; трансформации ценностей, которые могут значительно отличаться от ценностей родителей; оппозиции общепринятым нормам и традиционно свойственному молодым людям и подросткам радикализму. Поэтому при анализе мировых трендов имеет смысл акцентировать внимание и на социальных тенденциях, определяющих образ жизни большого количества молодых людей, которые стремятся «уйти от общества» с его нерешенными и опасными проблемами.

Следует отметить, что мировые тренды, обуславливая изменения современного образования, влияют и на его субъектов, причем не только тех, кто обучается, но и тех, кто обучает. По мнению М. Р. Мирошкиной, сегодня в образовательном процессе принимают участие представители четырех поколений: поколение так называемых «беби-бумеров», родившихся после Второй мировой войны (1944–1963); поколение X (1964–1984); поколение Y, или «миллениумы» (1985–2003); цифровое поколение (2004–2024) [2]. Теория поколений, широко известная благодаря исследованиям В. Штрауса и Н. Хоува, рассматривающих поколение как когорту людей, рожденных в определенный промежуток времени, охватывающий примерно 20 лет [3], актуализировала проблему ценностей, которые осваиваются, реализуются, создаются, меняются или сохраняются. Несмотря на то что теория поколений, обоснованная американскими исследователями, выступила в качестве основополагающей для изучения особенностей динамики поколений и в России, были выявлены характерные черты этого процесса, существенно отличающие отечественную историю развития поколений [2]. «В отличие от поступательной траектории смены поколений, представленной в классической теории У. Штрауса и Н. Хоува, траектория смены российских поколений XX–XXI вв. носит не поступательный, а дискретный характер. Каждое поколение является участником либо современником судьбоносного исторического события, значительно меняющего либо устои жизни страны в целом, либо правила жизни в определенный период времени» [2, с. 31]. Таким образом, межпоколенные отношения в Российской Федерации являются более сложными, чем в других странах, поэтому определение современного периода

развития образования как турбулентного представляется весьма точным и емким.

В то же время цифровое поколение выступает сегодня в качестве постоянно увеличивающегося большинства субъектов образования, особенность которого заключается в том, что оно выросло при интенсивном развитии цифровых технологий. «Эти молодые люди искусны в компьютерах, креативны в технологиях, их повседневная жизнь характеризуется мгновенным общением через мессенджер, сотовые разговоры или текстовые сообщения»⁴. Среди многообразия характеристик этого поколения выделяют две: цифровую вовлеченность и стремление оттягивать переход во взрослую жизнь. Конечно, мировые социальные тренды касаются всех поколений, но для цифрового поколения они сегодня наиболее актуальны. Поэтому необходимо рассмотреть изменения в поведении, отношениях и ценностях, которые появились под влиянием социокультурных мировых трендов именно у молодых людей.

Во-первых, это изменение потребительских привычек за счет активизации сетевых ресурсов Интернета и отказа от многих сервисных услуг, а также снижение значимости жестко регламентированных процедур, в том числе и в профессиональной деятельности; отказ от консервативных привычек во многих сферах жизнедеятельности, изменение образа жизни с учетом достижения равновесия работы/учебы, досуга, семьи и т. д. (work-life balance). Баланс между работой/учебой и жизнью становится признаком успешности и счастливой жизни. Отвержение любой регламентации, любых требований иногда приводит к игнорированию реальных проблем и нежеланию их решать вплоть до полного ухода из реальной социальной жизнедеятельности в виртуальную сферу.

Во-вторых, появление у части молодежи стремления противостоять ускорению темпов жизни. Отказ от необходимости решения сложных проблем в пользу приоритета «простых вещей»: ощущения гармонии окружающей природы, домашнего уюта, спокойной жизни без потрясений. Отказ от активной социальной жизнедеятельности в пользу себя, своих близких, индивидуализма и созерцания. Абсолютизация моментов жизни «здесь и сейчас», стремление к ощущению уюта и гармонии, стремление к тому, чтобы сбавить темп и насладиться одиночеством. Зачастую следствиями таких стремлений к самодостаточности и гармонии являются отдаленность от других людей и постепенное развитие той или иной формы аддиктивного поведения (аутизм, нарциссизм, социопатия и т. д.) [4].

⁴ *Francesc P.* The New Millenium Learners: Challenging our Views on ICT and Learning. OECD-CERI [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/1/1/38358359.pdf> (дата обращения: 28.02.2020).

В-третьих, ориентирование на изменение смысловых контекстов развития экономики и увеличение доли нативной рекламы как фактора, акцентирующего потребность социума в знаниях, позитивной информации, имеющей значение для каждого человека [5]. Нативная реклама (англ. *native* – натуральный, естественный) – сообщение/текст, который не ассоциируется у пользователя с рекламой, поскольку у большинства общества к ней сформировано крайне негативное отношение. Современная экономика может быть успешной при высоких индексах продаж, что возможно только при наличии отклика со стороны потребителей, ориентированных на смысловые и лично значимые сообщения. Социальная потребность в позитивной информации растет стремительно на фоне увеличивающегося недовольства агрессивным бизнесом, экономическими кризисами, снижением материального уровня жизни и увеличения времени на работу.

В-четвертых, абсолютизация искусственного интеллекта и активное применение его в простейших транзакциях по всему миру. Одновременно актуализируется проблема воспроизводимости результатов «творчества» искусственного интеллекта. Современные исследователи отмечают, что бурно развивающаяся область искусственного интеллекта (ИИ) борется с кризисом репликации, во многом похожим на те, что поразили психологию, медицину и другие области за последнее десятилетие. Исследователи ИИ обнаружили, что им трудно воспроизвести многие ключевые результаты, и это приводит к новым проблемам в отношении методов исследования. Поэтому искусственный интеллект применяют широко, но на самых простых алгоритмичных видах деятельности. Что касается творческих результатов деятельности ИИ, то они есть, но пока еще не воспроизводятся или воспроизводятся с крайне сомнительным результатом⁵.

В-пятых, скептическое отношение к собственности как средству, обременяющему свободного человека, широкое развитие совместного потребления, когда субъекты объединяются для решения какой-либо экономической проблемы. Совместное потребление (*sharing economy*) определяет новые формы социальных транзакций и отношений между людьми, которые объединились на короткое время и расстаются навсегда без установления глубоких и прочных отношений. Сегодня можно говорить об «искусстве расставаться» как о современном социальном тренде (*offboarding*), который особенно популярен у молодых. Иными словами, такие категории, как «дружба» или «привязанность» снижают свою зна-

⁵ Hutson M. Missing data hinder replication of artificial intelligence studies [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sciencemag.org/news/2018/02/missing-data-hinder-replication-artificial-intelligence-studies> (дата обращения: 27.02.2020).

чимость для обозначения нового типа отношений. Это краткосрочные, ситуативные, поверхностные, ни к чему не обязывающие отношения, легко возникающие и также легко прекращающиеся. Подобные отношения широко распространены в социальных сетях, нередко замещают дружбу и привязанность. Кроме того, «искусство расставаться» постепенно превращается в так называемые *offboarding*-стратегии, которые весьма часто реализуются сегодня в сфере бизнеса, производства и делового мира, когда субъекту по разным причинам необходимо менять работу и искать себе более подходящее место. Это планы так называемого мирного, бесконфликтного расставания.

Такие стратегии быстро распространяются, поскольку среди молодых людей становится популярным относительно легкое отношение к изменению деятельности, профессии, занятости, выбору нового жизненного пути из-за невозможности преодолеть некоторые обстоятельства, влияющие на данные изменения. Сложность современной жизни, высокие требования к профессиональным навыкам, компетенциям и опыту, обостряющаяся конкуренция во всех сферах деятельности, стремительные темпы – все это вынуждает молодых людей повышать уровень снисходительности и некоторой «легкости» отношения к потере работы, утраты статуса и другим подобным тяжелым событиям, с которыми может столкнуться каждый.

Кризис власти и снижение доверия населения к различным социальным и государственным институтам управления или влияния наблюдается сегодня во многих странах мира. Большое количество организаций и общественных структур, стремительно теряющих авторитет, одновременно утрачивает объединяющую, интегративную функцию, что приводит многих к поиску социальных групп, учреждений или просто частных лиц, способных реализовать такую функцию относительно какой-либо идеи, деятельности или человека. Поэтому периодически появляются новые лидеры мнений, способные «перехватить эстафету» в условиях дефицита авторитетов и при наличии потребности в них. Особенно высока потребность в авторитетах у подростков и молодых людей, которые всегда найдут себе пример для подражания вне зависимости от его морально-нравственных характеристик.

Одновременно в обществе появляется все больше весьма привлекательных лидеров в лице успешных людей и преуспевающих компаний, демонстрирующих высокие результаты своей деятельности, благополучие и конкурентоспособность. При этом общество потребления сохраняет свои особенности и весь мир «потребляет» одни и те же продукты реализации современных информационных и других технологий, что сближает социумы вне зависимости от их культурных, этнических, политических или исторических различий. Так, гаджеты высокого качества стремитель-

но распространяются по всему миру, и нет фактов, свидетельствующих о том, что их популярность снижается. При этом мультикультурные образы и ценности также приобретают все большую значимость среди детей и молодых людей.

Образование в этих условиях трансформируется очень быстро, и также меняет свои функции, технологии, структуру, содержание, формы, методы и даже цели. Еще в XX в. оно стало не только массовым, но и непрерывным, пожизненным (*Lifelong learning* – непрерывное образование, или образование через всю жизнь) [6]. Изменения в образовании, общие для многих стран находят свое отражение в неологизмах языка, обозначающих явления, которых не было ранее, либо изменение значения старых слов в новом контексте. И. В. Барина, анализируя неологизмы английского языка, связанные с образованием, отметила обозначение способности человека одновременно успешно воспринимать совершенно не связанную между собой информацию как новое качество человека, которое сегодня очень высоко ценится в англоязычных странах [7]. Это качество обозначается сегодня в США и Великобритании словом «*polyattentiveness*» [7, с. 184]. Также весьма популярно в англоязычном образовании словосочетание «*multi-skilling*» для обозначения подготовки сразу в нескольких областях, с которыми человек сталкивается в работе. Все чаще встречаются словосочетания, обозначающие негативные явления в образовании, не используемые ранее, например: «*school resistance*» – страх перед школой и отказ посещать ее, или «*Learning a living*» – приобретение знаний и навыков, необходимых для выполнения какой-то работы, своих обязанностей или заданий [7]. Изменения языка как знаковой системы обозначения относительно новых образовательных явлений повсеместно приводит к быстрому изменению педагогической/образовательной терминологии.

Современное образование во многих странах мира, преимущественно западноевропейских и США, очень осторожно формулирует ценности за исключением ценности демократии (для общества) и ценности саморазвития/самоактуализации личности (для самого человека). Что касается Российской Федерации и некоторых восточных стран, здесь цели образования формулируются конкретно и амбициозно. Их вектор направленности не меняется: он так или иначе связан с гармонизацией, но высокие эталоны очевидны, что вызывает некий скепсис относительно возможностей достижения, особенно с учетом реальных факторов управления и экономического статуса профессионалов, работающих в образовании.

Проблемы развития российского образования в постперестроечный период анализировались в различных аспектах, среди которых определялись как положительные, так и негативные изменения. Справедливости ради необходимо отметить большее количество негативных характери-

стик развития отечественного образования, особенно связанного с подготовкой высококвалифицированных специалистов [8]. Именно высшее образование подверглось в XXI в. самому жесткому реформированию и трансформации, что привело не только к сокращению университетов, снижению качества подготовки, но и чрезмерной формализации образовательного процесса и хаотичному управлению при постоянной трансформации образовательной политики. Жесткая централизация управления университетами способствовала унификации образовательных программ, оттоку творчески мыслящих профессоров за пределы страны, стремительному снижению уровня обучения.

Многие связывают проблемы образования с нарастающим социокультурным кризисом, одним из проявлений которого является рассогласованность между социальным и культурным (см., напр.: [9]). При этом кризис проявляется на трех уровнях: на уровне общества в рассогласованности деятельности подсистем; на уровне взаимодействия общества и личности; на уровне личности (внутриличностный конфликт) [9]. Очевидно, что социокультурный кризис затрагивает все аспекты жизнедеятельности современного человека. В. П. Лукьяненко акцентирует системный кризис образования в России как показатель поверхностных и конъюнктурных представлений об инновационности; отсутствия управленческой рефлексии, связанной с результатами бесконечного реформирования; чиновничьего произвола в образовании; безропотности педагогического сообщества, готового «выполнять любые управленческие решения» [10, с. 23]; бесконечных изменений структуры управленческих органов образования; «иллюзорности преимуществ компетентностной парадигмы образовательной деятельности» [10, с. 22] и ряда других причин и факторов, которые неблагоприятно влияют на содержание и результаты современного российского образования.

Очевидно, что стратегические проекты развития образования в России призваны решить большое количество проблем и способствовать изменению ситуации для достижения высокого качества образования, сравнимого с лучшим мировым образовательным опытом.

Стратегические проекты развития российского образования в контексте мировых трендов всегда предполагают сравнительно-сопоставительный анализ образовательных систем. В современном глобальном мире реализуется значительное количество международных исследовательских программ, нацеленных на решение подобных задач. Международная программа по статистике образования «Индикаторы образовательных систем» (INES), реализуемая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), призвана выявлять ключевые индикаторы развития образования в разных странах и анализировать статистические данные по каждому индикатору, сравнивая их между собой. Российские

исследователи периодически принимают участие в реализации этой программы. Результаты аналитического исследования российской системы образования по сравнению с национальными образовательными системами других стран (38 стран), осуществленного М. А. Аграновичем, Ю. В. Ермачковой, И. В. Селиверстовой (2019), учитывали международные индикаторы и статистические показатели [11]. Ученые выявили главные отличия, связанные с участием населения в образовании; финансированием; организацией образовательного процесса; положением педагогов [11].

В России, в отличие от других стран, среднее/школьное образование почти всегда ориентируется на продолжение обучения, поскольку подавляющее большинство выпускников школ не могут сразу выйти на рынок труда из-за отсутствия профессиональной подготовки. В странах ОЭСР доля выпускников среднего образования, которые сразу после окончания школы могут пойти на работу (наличие документа о профессиональной подготовке), составляет 40 % (в России – 13 %). Большинство зарубежных школ включают профессиональную подготовку (полное среднее образование плюс первые два курса СПО на базе основного общего образования) [11, с. 4].

Таким образом, в России система общего образования имеет ограниченные возможности начальной профессиональной подготовки школьников в отличие от стран ОЭСР. Продолжительность общего среднего образования в России меньше, чем в зарубежных учреждениях этого уровня, где обучение осуществляется 12–13 лет, а в некоторых странах – 14 лет. В нашей стране дети начинают учиться в школе позже, чем в Западной Европе, где в большинстве стран школьное образование начинается в 5–6 лет и длится не менее 12 лет (в России – 11 лет). Кроме того, академическая нагрузка в часах за неделю, равно как и количество учебных недель в России значительно меньше, чем в странах ОЭСР. В среднем российские школьники 5–9-х классов учатся почти на месяц меньше, чем их сверстники в других странах. Речь идет об учебных часах, проведенных в школьных классах. Что касается содержания школьной подготовки, то сравнительный анализ показал, что в нашей стране дается меньше времени на изучение иностранного языка и искусства (которое практически не изучается). Также почти не изучаются социальные науки, в то время как в странах ОЭСР для их изучения отводится 8 % всего учебного времени [11, с. 29].

Среди россиян выпускников среднего профессионального образования (СПО), имеющих третичное (послешкольное) образование, больше, чем в других странах. Выпускники СПО – 44 %, выпускники вузов – 55 %; при этом средние показатели по странам ОЭСР: 17 и 81 % соответственно [11, с. 4].

Анализ статистических данных относительно высшего образования показал, что в России большая доля студентов вузов обучаются не по очной системе (заочно, дистанционно) – всего 49 %, в отличие от зарубежных университетов, где таких студентов 21 % [11]. Что касается результатов сравнительного анализа содержания третичного образования по направлениям подготовки, то здесь также были выявлены существенные различия. «В первую очередь обращает на себя внимание значительное преобладание в России выпускников по инженерным специальностям», примерно в два раза больше по сравнению со странами ОЭСР [11, с. 24]. Также в нашей стране существенно больше выпускников направлений, связанных с услугами. По всем остальным областям знаний доля выпускников в России ниже, чем в других странах. «Особенно велико это отставание в таких областях, как естественные науки и математика, здравоохранение и социальная защита, искусство и гуманитарные науки» [11, с. 24].

Значение развития образования взрослых по программам дополнительной подготовки (повышение квалификации, профессиональная переподготовка и т. д.) определяется прямой корреляцией с эффективностью экономики страны, поскольку «между уровнем участия взрослых в образовании и уровнем экономического развития страны наблюдается отчетливая положительная связь» [11, с. 26]. Исходя из этой тенденции, участие взрослого населения России в образовании должно быть в два раза выше, чем сегодня: в нашей стране таких обучающихся 20 %; в странах ОЭСР от 17 % до 69 % [11, с. 26]. При этом отставание России от других стран возрастает по мере повышения возраста обучаемых, поскольку «чем выше благосостояние страны, тем дольше учатся живущие в ней люди» [11, с. 27].

Централизация управления образованием в России показывает «негативную связь между степенью централизации управления школой на национальном уровне и учебными результатами» [11, с. 5]. В качестве негативного фактора для развития образования выступает низкий уровень расходов на образование: 4,2 тыс. долл. на одного ученика в год (в странах ОЭСР – 10 тыс. долл.) [11, с. 5]. В нашей стране на финансирование образования направляется существенно меньшая доля государственных расходов, чем в странах ОЭСР. Средняя заработная плата педагогов за год – 23,3 тыс. долл.; в странах ОЭСР – 42,9 тыс. долл. [11, с. 5].

Таким образом, Международная программа по статистике образования «Индикаторы образовательных систем» фиксирует значительное отставание российского образования от многих ведущих стран и не только по уровню и результатам общего образования. Между тем национальные и стратегические проекты, связанные с образованием, реализуются в России на протяжении последних двадцати лет. Однако значительного по-

вышения качества образования в Российской Федерации отечественные и зарубежные исследователи не отмечают.

В целом эффективной реализации стратегических проектов развития российского образования препятствуют факторы, связанные с особенностями его современного управления:

- чрезмерной централизацией, не учитывающей региональных факторов развития;
- тотальной формализацией, затрагивающей все уровни реализации современного образования;
- непоследовательностью государственной образовательной политики;
- низким экономическим статусом образования;
- исключением мнения профессионального педагогического сообщества при принятии управленческих решений в образовании;
- социальным и территориальным неравенством образовательных результатов (высокие показатели: Москва и Санкт-Петербург; низкие показатели по многим регионам Российской Федерации).

Также следует отметить нацеленность многих образовательных стратегических проектов на усиление надзора и контроля в ущерб развитию содержания образования и развитию его материально-технической базы (например, «Национальная система учительского роста» (НСУР) и др.).

Диспропорции развития образования в России, отражая диспропорции финансирования и экономического развития различных регионов страны, настолько усиливают кризисное состояние современного образования (особенно на уровне подготовки высококвалифицированных кадров), что исследователи определяют его как современную социокультурную катастрофу [8]. Экономические и финансовые основания развития образования на всех уровнях его реализации пока еще не являются оптимистичными, несмотря на государственные проекты. Диспропорция развития регионов и организаций приводит к тому, что разрыв между «лучшими» и «остальными» не только сохраняется, но и усиливается с каждым годом. Тенденции развития отечественной экономики акцентируют отсутствие равномерного, относительно сбалансированного развития (А. М. Миркин, А. С. Скоробогатов), что не может не отражаться и на развитии отечественного образования, которое несет в себе все проблемы и недостатки российской экономики [12].

Заключение. В Российской Федерации в XXI в. было несколько стратегических проектов, связанных с образованием. Современный национальный проект «Образование» рассчитан на реализацию до 2024 г. Цели, задачи и перспективы реализации этого проекта весьма амбициозны. Они активно обсуждаются на уровне государства, регионов и конкретных образовательных организаций. Однако ожидания общества по отношению

к результатам не являются оптимистичными, что связано с предыдущим опытом реализации подобных проектов.

Во-первых, они не показали реально высоких стабильных и устойчивых результатов, очевидных для всего общества и главных субъектов образования: обучающихся и обучающихся. Во-вторых, сам факт реализации проектов исключает системную целенаправленную деятельность государства, ориентированную на повсеместное и стабильное развитие образования во всех регионах страны. Вновь ситуативно финансируются «точки роста» на определенное время, а после завершения проекта весь образовательный процесс возвращается к своему прежнему состоянию. В-третьих, «точечная» поддержка образования исключает огромное количество обучающихся, не относящихся к инклюзивной группе или творчески одаренных детей. Получается, что национальные проекты охватывают лишь несколько процентов субъектов образования, большинство же оказывается за пределами образовательной поддержки. В-четвертых, систематическое недофинансирование образования (почти на всех уровнях его реализации) показывает явную недооценку негативных результатов такой образовательной политики в России. Справедливости ради необходимо отметить значимость стратегических проектов для побуждения творческих инициатив и новых образовательных стратегий в целях поиска возможностей развития, для которого в стране есть все необходимые ресурсы и потенциалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации: краткие тезисы: докл. к XVIII Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Л. М. Гохберг, А. В. Соколов, А. А. Чулок и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 39 с.
2. **Мирошкина М. Р.** Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 30–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30798366>
3. **Howe Neil, Strauss William.** Generations: The History of America's Future. – N.-Y.: William Morrow & Company, 1991. – 538 p. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n9/mode/2up>
4. **Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.** Аддикции в культуре отчуждения. Фрагментарная идентичность в зазеркалье постмодернизма: монография. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. – 434 с.
5. **Мелехова А. С.** Нативная реклама как элемент digital-коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 242–245. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24295257>
6. **Сергеева О. Н., Андрienко Е. В.** Интерпретации различных аспектов образования в Великобритании // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2016. – № 3 (31). – С. 18–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26367161>

7. **Барина И. В.** Неологизмы английского языка, отражающие изменения в системе образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 20 (680). – С. 178–193. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21120539>
8. **Любецкий Н. П., Самыгин С. И., Касьянов В. В.** Кризис высшего образования в России как социокультурная катастрофа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 8-9. – С. 99–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30451288>
9. **Штомпель Л. А., Штомпель О. М.** Социокультурный кризис и возможные пути выхода из него // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 3 (79). – С. 45–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22415687>
10. **Лукьяненко В. П.** Системный кризис образования в России: признаки и их анализ // Педагогика. – 2018. – № 1. – С. 22–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32665138>
11. **Агранович М. А., Ермачкова Ю. В., Селиверстова И. В.** Российское образование в контексте международных индикаторов: аналитический доклад. – М.: Центр статистики и мониторинга образования ФИРО РАНХиГС, 2019. – 95 с.
12. **Миркин Я. М.** Развивающиеся рынки и Россия в структуре глобальных финансов: финансовое будущее, многолетние тренды: монография. – М.: Магистр, 2015. – 176 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36705415>

REFERENCES

1. *Global trends and prospects of scientific and technological development of the Russian Federation: short theses*: Reports at the XVIII April international scientific conf. on the problems of economic and social development. L. M. Gokhberg, A. V. Sokolov, A. A. Chulok et al.; Higher school of Economics. Moscow: Publishing House of Higher school of Economics, 2017, 39 p. (In Russian)
2. Miroshkina M. R. Interpretation of the theory of generations in the context of Russian education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, no. 6, pp. 30–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30798366> (In Russian).
3. Howe Neil, Strauss William. *Generations: The History of America's Future*. New York: William Morrow & Company Publ., 1991, 538 p. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n9/mode/2up>
4. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. *Of addiction to the culture of exclusion. Fragmented identity in the mirror of postmodernism*: a monograph. Novosibirsk: NGPU Publ., 2013, 434 p. (In Russian)
5. Melekhova A. S. Native advertising as an element of digital communication strategy of the brand. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2015, no. 3, pp. 242–245. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24295257> (In Russian)
6. Sergeeva O. N., Andrienko E. V. Interpretations of various aspects of education in the UK. *Bulletin of the Novosibirsk State University*, 2016, no. 3(31), pp. 18–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26367161> (In Russian)
7. Barinova I. V. Neologisms of the English language reflecting changes in the education system. *Bulletin of the Moscow state linguistic University*, 2013, no. 20 (680), pp. 178–193. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21120539> (In Russian)
8. Lyubetskiy N. P., Samygin S. I., Kasyanov V. V. Crisis of higher education in Russia as a socio-cultural catastrophe. *Humanities, socio-economic and social Sciences*, 2017, no. 8-9, pp. 99–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30451288> (In Russian)
9. Shtompel L. A., Shtompel O. M. Sociocultural crisis and possible ways out of it. *Scientific thought of the Caucasus*, 2014, no. 3 (79), pp. 45–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22415687> (In Russian)

10. Lukyanenko V. P. System crisis of education in Russia: indicators and their analysis. *Pedagogy*, 2018, no. 1, pp. 22–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32665138> (In Russian)
11. Agranovich M. A., Ermachkova Yu. V., Seliverstova I. V. *Russian education in the context of international indicators*: analytical report. Moscow: Center for statistics and monitoring of education FIRO Ranepa, 2019, 95 p. (In Russian)
12. Mirkin Ya. M. Emerging markets and Russia in the structure of global Finance: financial future, long-term trends: a monograph. Moscow: Magistr Publ., 2015, 176 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36705415> (In Russian)

Received March 23, 2020

Поступила: 23.03.2020

Accepted by the editors May 15, 2020

Принята редакцией: 15.05.2020